

Данило-царевич и Настасья-царевна

Жило семь братьев, шест — царило, а семой был у них в прислугах, у кажнова брата по три годы служил. Ему братья за житьё ничего не давали. Дослужил он у остальнёго брата три года и запоходил, и говорит брату: «У всех я вас переслужил, ницего не выслужил, не хлеба мяккого, не слова гладкого, не копя воинного, не ружья стрелинного». Брат ему и подарил сем соболей мятых, подделыванных (обделанных) и сем соболей немятых, не подделыванных, пуговицы-петли готовы. «Сшей шубу к велику-дни, Христову-дни, не сошьёшь, дак голова с плеч». До Христова-дни было всего три дни. Пошел Данило швечам шубу давать шить; к какому-ни швечу придёт и говорит: «Швеч-молодеч, сошей мне шубу к велику-дни, Христову-дни». — «Кака у тебя шуба?» — «Сем соболей мятых, подделыванных и сем соболей не мятых, не подделыванных, пуговицы-петли готовы». — «О, мне не сошить о три недели, не то, што в три дни». Проходил день до вечера, некто не принелса шить, два дня оставаеця до Пасхи. И все достальны дни проходил, субота к вечеру приклонитця. У царя была девушка в кухарках. Идёт Данило, закручинилса и запечалилса, плачет, спрашивает его девица: «Чего, Данилушко, печалился?» — «Как не печалицца: дал мне брат сем соболей... (и пр.), а Христов-день наступат». Девица говорит: «Не печалься, Данила, я горю твоему помогу, Богу молись, да спать ложись, к заутрени всё дело будет исправно, тебя разбужу». Девица вышла на крыльчо, брякнула в кольцо: «Няньки-мамки, верны служанки, как батюшку служили, как матушке служили, так послужите мне красной девице Настасье-царевне». Набежали няньки-мамки, всё дело исправили, как лучче нельзя, сошили шубу. Будит девица Данилу к заутрене — шуба готова. Стал Данила, сам себе не верит, пошел к заутрени. Девица дала ему три ёичка. «Похристосойся, одно — с попом, друго — с царём, третье — с кем век вековать». Пришел Данила к заутрени, стал с царём в ряд, хárнул, плюнул, чуть царю не в бороду, погледит: царь бороду обтирает. После заутрени похристосовался с попом, с царём, а третье оставил. «Похристосаюсь с девичей, котора шубу сошила, я тую замуж возьму». Пошел к царю на обед, царь спрашивает: «Кто тебе шубу сошил?» — «А вот кака-то девича нашлась». А эта девича кушанья носит на стол, он ее и не узнал. Девица говорит: «Данило, Христос Воскресе!» А он скаже: «Воистину Воскресе, да без ёичка». Отобедал и пошел в тот дом, где девича шубу шила. Пришел с девичей христосовачча, а она и говорит: «А, Данило-царевич, позно. Я

сколько раз с тобой христосовалась, ты мне всё еичка не дал. Ну ладно я тебя в этой вины прощу». После Пасхи он стал ю замуж сватать, а она скаже: «Поди, спросись у царя, благословит-ле он тебя?» Пришел к царю, а царь говорит: «Да, Данило, я бы те благословил женитча, да сослужи мне-ка три службы». — «А каку тебе службу?» — «Сроботай в севоднешню ночь хрустальнѣй мое от моего дворча до черковного крыльча; не сроботашь, женитча не позволю». Данило пошел и плачет, девича стречает его на крыльче. «Чего, Данилуш-ко, плачешь?» Он и росказал. «Я топором роботать не умею, а он велит хрустальнѣй мос сроботать». — «Не плачь, Данилушко, это не служба, а службишко, служба вся впереди. Богу молись, да спать ложись, всё дело исправится». Данило спать повалилса, девича вышла на крыльчо, брякнула в кольцо. «Няньки, мамки, верны служанки, как батюшку служили, как матушке служили, так и мне послужите». Мост был готовой к утру. Утром Данило стаёт, постукиват, да похлапыват на мосту, бутто и он сроботал. Чарь пробудилса, в окошко погледит, а мост готовой, и дивитця, што Данила научилса мудростей. Через несколько время Данило опять приходит к царю, просит благословенья женитця. Чарь говорит: «Сослужи мне втору службу, сострой караб, штобы ходит не по воды, не по земле, а штобы скрозь игольны уши проходил». Данило идёт к девиче, запечалилса, девича опять его и стречает. «Чего, Данилушко, не весел?» — «Какой я мастер, я лодки не умею сроботать, а царь приказал караб сделать, штобы ходил не по воды, не по земли, а скрозь игольни уши проходил». — «Не печалься, Данилушко, это ищэ не служба, служба впереди; Богу молись, да спать ложись, к утру все будет готово». Он спать повалилса, а она вышла на крыльчо, брякнула в кольцо. «Няньки-мамки, верны служанки...» и пр. Няньки да мамки ей всё сроботали. Утром Данилу и будит: «Поди на караб, постукивай, да похлапывай, бутто ты сроботал». Данило пошел, постукиват, да похлапыват, а чарь из окна и увидел. Пошел Данило опять царю благословленьё просить. Царь говорит: «Сослужи, Данило, остальню службу, тогда дам благословленьё женитця: съезди за тридеветь морей, в тридевято царево, к Вáссы-девиче, еретиче, достань турку-шапку, чарьску корону тож-то, и позволю тебе женитча, а не достанешь — голова с плеч». Пошел Данила к девиче, к невѣсты не печалитця. «Везде мне-ка пособила и тут пособит». Стречат его Настасья-царевна. «Што тебе чарь сказал?» — «Пособи мне остальню службу сослужить — съездить за тридеветь земель к Вáссы-девиче, еретиче, привезти турку-шапку и царску-корону». А она и говорит: «О, брат, это не службишко, а служба. Я тебе три службы сослужила, а четвёрту не могу». Данило тут и запечалилса. «Ну, хоть помереть, а туды надо поехать, всё ровно царь сулит смерть». Говорит

девичка: «Поедешь туда, возьми шесть боцёк пороху». Судно снаредили, порох положили, матросов нанели, и поехал в море искать того чарьева.

Ехал близко ли, далёко ли, скоро ли, долго ли, того неизвесно, доехал до того чарьева, где живёт Вáсса-девичка, еретича. Остановилса за несколько вёрс судном, а сам один себе выехал на́ гору. Васса-девичка, еретича его увидала и хотела его змеям скормить, а он ей обещал служить вечно. Вот он живёт год у ей и другой живёт, а она в это время всё улетит бороцця со змеямы, улетит на двои сутки, а пролетат одны, всё за Данилой надзирала. На третей год Данила с Вáссой прижили дитя, он оставалса ей дитя в зыбке качать, а она улетала со змеямы бороцця. Данила узнал, где у ей берегецця турка-шапка, царска-корона. Она стала летать на неделю в поле. В тоё время он стал роботать плот себе; она опять новой раз улетела, надолго. Тем времём он унёс турку-шапку и чарску корону, сел на плот и уехал. В то время прилетела из поля Васса-девичка, увидала, что Данило едет на плоту, схватила из зыпки робёнка, розорвала пополам, сказала: «Твоя половина!» — и бросила на плот; плот стал пóд воду тонуть, Данило стал робёнка спехивать с плота, насилу проць спехал, плот выстал из-под воды. Данило к судну приплыл, велел паруса распускать, домой скоре отправлятча. В то времё Васса-девичка прибежала в поле и кричит: «Все змеи, змеёныши, летите в море, садитесь на снасти, под воду караб топите, Данилу-царевича живком ко мне принесите». Змеи полетели, Данило со судна видит: стават больша туча; матросам приказыват. «Вызыните одну бочку пороху». Туча надошла над их, все змеи сели на снасти. Стал караб топить (так!), оне зажгли бочку с порохом, змеи прочь улетели. Прилетели к Вáссы-девице. «Не можом, Васса-девица, порохом жгёт». Она опять в поле бежит. «Летите все змеи-змеишша, топите караб, Данилу-царевича живкóм ко мне принесите». Змеи полетели, Данила видит, туча застават. «Выздыните, робята, две боцьки пороху». Опять змеи стали садитця на караб, оне зажгли порох, змеи не могли и быть, опять проць полетели. Опять к Вáссы-девице пришли. «Не можом, жгёт порох». Опять Васса розоргинилась еще больше, в поле побежала. «Все змеи-змеишша, летите, караб топите, Данилу живком принесите». Данило видит, стават туча ищэ больше, достали ищэ три боцьки достáльных пороху, змеи налетели, оне зажгли порох, змеи не могли нецё сделать, проць улетели. Вáсса опять рьянитця: «Все стары и малы, все летите, и сама полечу». А Данило видит, что туча больша стават, а пороху больше нету, выехал на волок, взял с собой турку-шапку, чарьску корону. Змеи на караб сели, караб пóд воду утопили, Данила негде не нашли, улетели, а Данило пошел пешком.

Шол-шол-шол, стоит изба, в избе сидит старик кривой. Стал его старик спрашивать, Данило говорит: «Я есь несчастной Данило-царевич». — «О, знаю, ты у моей сестры жил, мою сестру оммани́л; ты теперь у меня будешь жить, а век мне служить, ты меня не омманёшь». Живут долго ли, мало ли, розговорились. «Вот ты везде ходишь, всё знашь, не знашь-ле, как у меня глаза вылечить?» — «Знаю, хорошо знаю, нет ли у тебя гужов воловьих?» Старик притащил с подволоки, он его везал, везал гужами к лавки. «Дедушко, понотенись-ко». Тот понотенулся — гужи сорвались. «Нет ли получче, новых?» — «Есь». Старик новых притащыл; привезал старика крепче, согрел камень горецей и нажог, в смолу спустил. «Дедушко, здоровой глаз отворь, а нездоровой запри». Данило спустил горяцей камень со смолой в здоровой глаз, а сам бегом из избы. А старик в то времё рванулся, гужи сорвал и скрычал: «Все ворота на́крепко-крепко запритесь». Ворота скрепились, Данило остался во дворе и сел под воза. Старик пошел искать; искал везде по углам, не мог натти. Ворота отворил, стал по одному возу выпускать, а Данило в средних возах выбежал под ногамы у возов и давай Бог ноги куды бежать. Долго ли, коротко ли шол, дошел до своего чарьсва, пришел в чарьсво, брат помер, и женилса он на той девице, на Настасье-царевне, и стал чарём на чарьсви, на братьнево место.

(Никитина Анна Семеновна)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.